

ПРОБЛЕМАТИКА ЗАМЕНЫ КОНКРЕТИЗИРОВАННОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ ВСЛЕДСТВИЕ ДЕФЕКТА ФИДУЦИАРНОСТИ В ОСОБОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ЛИЧНОГО ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ — ДОГОВОРЕ С КОНКРЕТИЗАЦИЕЙ ИСПОЛНИТЕЛЯ

Вольвач Я.В.¹

Ключевые слова: фидуциарное правоотношение, фидуция, дефект фидуциарности, личный характер обязательства, личные обязательства, личные обязательства по оказанию услуг, личное исполнение обязательства, конкретизированный исполнитель, конкретизант, расщепленная фидуциарность, эмерджентность восприятия услугодателя и конкретизанта.

Аннотация

Цель работы: исследование вопросов, касающихся признаков, определяющих правовую природу конкретизированного исполнения и статус исполнителя, если речь идет о договоре возмездного оказания услуг в котором непосредственный исполнитель назван, то есть конкретизирован.

Методы исследования: обще- и частнонаучные методы исследования — сравнительно-правовой, системно-правовой, логический, метод анализа и толкования правовых актов.

Результаты исследования: сформулирован вывод: основание выбора субъекта исполнения для придания ему юридической значимости в личном договоре возмездного оказания услуг и, соответственно, правовые последствия в случае прекращения такового должны быть включены в конструкцию договора законом или соглашением сторон. Доверие к субъекту исполнения может придать данному выбору юридическую значимость, но не квалифицирует по этому основанию обязательство в качестве фидуциарного, поскольку данный признак не входит в качестве признака-константы в конструкцию обязательства, и не меняет правовую цель (*causa*) обязательства возмездного оказания услуг по той причине, что собственно основание выбора неспособно исчерпать собой всю совокупность элементов его сути. Кроме того, наличие индивидуального личного выбора по определенному основанию заказчиком исполнителя предложено квалифицировать в качестве конститутивного признака личного обязательства возмездного оказания услуг.

Научная новизна: предложение и обоснование конститутивного признака личного обязательства возмездного оказания услуг — основания выбора заказчиком исполнителя.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-2-62-68

Введение и постановка задачи

Предпринятые ранее исследования сущностного признака конструкции «услуга» — личного характера обязательства возмездного оказания услуг — не касались вопросов наличия правового значения воли и волеизъявления заказчика как лица (стороны), не имеющего правовой связи с конкретизантом, влекущих юридические последствия в виде замены конкретизированного исполнителя вследствие утраты доверия к последнему.

В предшествующем исследовании проблематики замены конкретизированного исполнителя в обязательстве возмездного оказания услуг было сформулировано следующее общее правило: расторжение особого договора оказания услуг — «с конкретизацией исполнителя» — по основанию не

предусмотренной договором замены услугодателем конкретизанта невозможно, если иное не указано в законе или в договоре [1].

Однако возникает ряд вопросов, могущих повлиять на целесообразность исследования с позиции актуальности и новизны, а именно:

1) являются ли указанные воля и волеизъявление заказчика, выраженные в желании последнего заменить конкретизанта, вследствие утраты доверия к нему, юридически значимыми?

2) является ли возникновение недоверия к конкретизанту основанием для наступления каких-либо правовых последствий для действующего обязательства и при каких условиях?

¹ Вольвач Януара Валентиновна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет», г. Москва, Российская Федерация. E-mail: adv_71@mail.ru

3) может ли повлечь какие-либо правовые последствия возникновение недоверия, и какие именно последствия?

При этом представляется, что возможность получения ответов на поставленные вопросы детерминирована доверительным основанием правовой связи сторон договора и особенностью реализуемого в их отношениях интереса², а также общими правовыми основаниями возникновения и прекращения обязательства.

Между тем выявление реализуемого в отношениях сторон интереса и рассмотрение исследуемого обязательства с точки зрения наличия признаков фидуциарного обязательства может позволить выявить не только очередной конститутивный признак категории «услуга» и сформулировать признак, присущий личному обязательству, в т. ч. возмездного оказания услуг, но и оказать влияние на формирование целостной модели особой категории договора возмездного оказания услуг — договора с конкретизацией исполнителя.

Перечисленные аспекты в свете дискуссии о личном обязательстве юридического лица³, возникновении прав и обязанностей третьих лиц в обязательстве⁴ [2, с. 181—182], расширении круга отношений, относимых к числу фидуциарных⁵, определяют актуальность настоящего исследования.

В целях настоящего исследования необходимо обратить внимание на то, что в римском праве понятие «фидуция» охватывало собой акт, основанный на доверии⁶, применявшийся при этом к ограниченному видам обязательств, связанным с возникновением у фидуциария обязанности вернуть вещь обратно. Однако со временем это понятие стало применяться к более широкому кругу отношений, в частности, к доверительному управлению⁷.

Современная доктрина подразделяет фидуциарные отношения на следующие группы по признаку реализуемого в данных отношениях интереса:

1) отношения, основанные на элементе власти-подчинения между носителями интереса и лицом, осуществляющим его реализацию (отношения между юридическим лицом и теми субъектами, которые уполномочены выступать от имени организации, лицами, определяющими действия юридического лица по различным основаниям);

2) отношения, основанные на поручении, исходящем от носителя интереса (поручение, комиссия, агентирование, договоры простого товарищества, доверительного управления и т. п.);

3) отношения, основанные на трактовке и реализации интереса без участия субъекта соответствующего интереса (действия в чужом интересе без поручения);

4) отношения, основанные на специфике содержания реализуемого интереса (отношения ренты и пожизненного содержания, обеспечительная купля-продажа, сделки РЕПО, обеспечительный факторинг)⁸.

Но возникают вопросы: насколько первостепенным и существенным является интерес в приведенном виде обязательства, насколько выбор его в качестве основания классификации разновидностей обязательства определяет суть и конститутивный признак или отражает многообразие равноценных подходов к классификации фидуциарного правоотношения.

В целях настоящего исследования это важно, поскольку, как ранее отмечалось, применительно к обязательству по оказанию услуг *causa*, то есть правовая цель вступления в правоотношения, определяет суть обязательства (предмет, содержание, сторону исполнения), в том числе его личный характер [3, с. 185; 4, с. 27]. При этом *causa* в рамках рассматриваемого обязательства, независимо от ее состава (простая, сложная), если таковая определяется полностью или в части субъективным критерием выбора конкретного исполнителя, имеет направленность на оказание услуги исключительно избранным индивидуально-определенным персонифицированным исполнителем.

Кроме того, в данной ситуации имеет значение конкретизация *causa* не только в отношении стороны договора, но и способа исполнения, конкретизанта (непосредственного исполнителя), требований, предъявляемых к непосредственному исполнителю, условий исполнения обязательства и т. д.

Следовательно, в приведенной ситуации применительно к рассматриваемому договору не исключается наличие ни интереса, определяющего возникновение обязательства и выбор стороны-исполнителя и конкретизанта, ни носителя интереса — стороны заказчика, ни действия в целях реализации интереса. Кроме того, очевидна и особенность

² Агламазова В.В. Концепция фидуциарных правоотношений и возможность ее применения в корпоративном праве России // URL: <https://www.lawfirm.ru/news/index.php?id=4426> (дата обращения: 07.03.2023 г.).

³ Ростовцева А.М. Правовая природа ответственности юридических лиц и их участников // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 56—63; Ананьева К.Я. Исполнение обязательств с множественностью субъектов // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnenie-obyazatelstv-s-mnozhestvennostyu-subektov-v-nih> (дата обращения: 07.03.2023 г.); Коровяковский Д.Г. Правовые способы обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору // Финансы и кредит. 2005. № 30 (198). С. 61—70.

⁴ Кроз М.К. Третье лицо в обязательстве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Саратов, 2001. 169 с.

⁵ Защита гражданских прав: избранные аспекты. Сборник статей / Под рук. М.А. Рожковой. М. : Статут, 2017. URL: https://rozhkova.com/books_text/ZachitaGP.pdf (дата обращения: 07.03.2023 г.).

⁶ Парфенов Д.И. К вопросу о доверительном характере договора поручения // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/23782-voprosu-doveritelnom-kharaktere-dogovora-porucheniya> (дата обращения: 07.03.2023 г.).

⁷ Andrew Hirs. S.H. Goo Cases and Materials on Company Law. 6th edition. Oxford University Press Inc., New York, 2008.

⁸ Защита гражданских прав: избранные аспекты. Сборник статей / Под рук. М.А. Рожковой. М. : Статут, 2017. URL: https://rozhkova.com/books_text/ZachitaGP.pdf (дата обращения: 07.03.2023 г.).

содержания интереса, сходная с основанием ранее упомянутой классификации фидуциарных правоотношений, состоящая в личном исполнении обязательства конкретным избранным исполнителем, если рассматривать этот выбор как элемент доверия носителя интереса (заказчика) в исполнении обязательства по отношению к субъекту исполнения.

Различны ли приведенные интересы, в том числе с учетом того, что юридическая значимость интереса в фидуциарных правоотношениях очевидна?

Очевидно, что в данном случае речь прямо не идет об общем, универсальном интересе в гражданском праве⁹, но, полагаю, о разновидности такого интереса для данного вида обязательств (фидуция), который состоит в средствах удовлетворения общего, универсального интереса, в том числе за счет выбора субъекта исполнения. При этом следует подчеркнуть, что разновидность не подразумевает разделение и самостоятельность, а, скорее, тождество с общим.

Здесь следует обратить внимание на используемое основание классификации — «особенности интереса». Если презюмировать суть фидуции как доверие, то интерес и его особенности у его носителя, очевидно, не исчерпываются выбором реализатора интереса на основе доверия, а заключаются также и в действиях «преимущественно или исключительно в чужом интересе»¹⁰ уполномоченного доверенного лица, приводящим к таким правовым последствиям, посредством которых возможно достичь удовлетворения потребности в качестве реализации универсального интереса. Следовательно, данный вывод актуален применительно к интересу носителя, который в фидуциарном правоотношении преломляется как основание и возникновения, и осуществления обязательства с конкретным (персонифицированным) исполнителем, и возникновения правовых последствий (правового результата), могущего повлечь его удовлетворение.

При этом суть фидуциарного правоотношения определяется доктриной как возможность доверенного лица, обусловленная полномочиями осуществлять чужие права в интересах их обладателей, не являясь носителем и не приобретая самого субъективного права¹¹ [5, с. 5—6].

Исходя из изложенной в данной статье позиции относительно *causa* в личном обязательстве возмездного оказания услуг наличие разновидности

интереса в виде выбора субъекта исполнения и квалификации данного выбора как предпосылки возникновения и действия обязательства и его правовых последствий не исключается.

В связи с этим имеется основание утверждать, что в рассмотренном контексте исследуемая разновидность интереса в фидуциарном обязательстве сходна с разновидностью интереса в личном обязательстве возмездного оказания услуг.

Но насколько соответствует данный вывод правовой действительности?

Природа возникновения причины и причина возникновения интереса в фидуциарных обязательствах юридически не важна — она может быть связана как с личными качествами лица, так и с результатами деятельности лица, в том числе юридического, а может не быть с ними связана или вообще не указываться и не являться предметом какого-либо согласования/соглашения.

В случае с фидуцией первоначально доверие, определяющее выбор. Таким образом, в данном случае выбор — вторичен. Следовательно, сама по себе фидуция — постоянное и обязательное основание, которое является определяющей составной частью конструкции фидуциарного обязательства, наряду с совокупностью иных, определяющих его природу признаков (полномочия, действия в чужом интересе, зависимый интерес и т. д.).

Между тем выбор конкретизанта применительно к личному обязательству возмездного оказания услуг порождает множество проблем.

Несомненно, в исследуемом обязательстве возмездного оказания услуг невозможно исключить доверие к субъекту, осуществляющему непосредственное исполнение, что, по сути, может придать данному выбору юридическую значимость, но не квалифицирует по этому основанию обязательство в качестве фидуциарного, поскольку данный признак не входит в качестве признака-константы в конструкцию обязательства и не меняет правовую цель, *causa*, обязательства возмездного оказания услуг по той причине, что собственно основание выбора не способно исчерпать собой всю совокупность элементов его сути. Следовательно, основание выбора для придания ему юридической значимости в личном договоре возмездного оказания услуг и, соответственно, правовые последствия в случае прекращения такового должны быть включены в конструкцию договора законом или соглашением сторон.

Приведенный вывод подтверждается следующим.

Во многих случаях выбор контрагента первичен в силу того, что основанием выбора субъекта исполнения заказчиком является обладание субъектом исполнения такими отличными от иных, индивидуальными (персонифицированными) свойствами, качествами и/или правами, которые, по мнению заказчика, в наибольшей (по сравнению с

⁹ Величко М.Б. Понятие и признаки интереса как правовой категории, используемой при рассмотрении гражданских дел // URL: <http://oblsud.tms.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=198> (дата обращения: 07.03.2023 г.).

¹⁰ Колиева А.Э., Бицоева Л.Ф. Структура фидуциарных правоотношений в гражданском праве // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-fidutsiarnyh-pravootnosheniy-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 07.03.2023 г.).

¹¹ Колиева А.Э., Бицоева Л.Ф. Структура фидуциарных правоотношений в гражданском праве // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-fidutsiarnyh-pravootnosheniy-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 07.03.2023 г.).

остальными) степени могут обеспечить достижение того правового результата, который повлечет удовлетворение потребности. Доверие же к субъекту исполнения может возникать в данном случае как результат произведенного выбора и самостоятельно, как в фидуции, ни основанием выбора, ни предпосылкой возникновения, действия и правового результата обязательства возмездного оказания услуг не являться.

Однако несмотря на приведенное отличие, именно выделение в фидуции в качестве самостоятельного юридически значимого элемента конструкции обязательства основания выбора и одновременно организационно-функционального признака (конститутивного) фидуциарного правоотношения позволяет характеризовать любое иное не противоречащее закону основание выбора конкретного исполнителя, если таковое однозначно определено, в качестве предпосылки возникновения, осуществления и правового результата обязательства возмездного оказания услуг, что априори может придавать последнему (основанию выбора) юридическую значимость.

При этом собственно выбор определяется правовой целью, что согласуется с ранее высказанной автором позицией о том, что *causa*, то есть правовая цель вступления в правоотношения, определяет суть обязательства (предмет, содержание, сторону исполнения), в том числе его личный характер,

Кроме того, представляется значимым следующее. Доктриной обосновано, что самостоятельным элементом принципа свободы договора является свобода выбора контрагента¹² [6, с. 15; 7, с. 10].

Выводы

Рассматривая обязательственное отношение, не отягощенное квалифицирующими признаками в виде фидуции, мы констатируем в первую очередь наличие встречных взаимообусловленных интересов каждой из сторон, реализация которых осуществляется их носителями, и лишь опосредованно — через собственный интерес — осуществляется в интересах контрагента.

В случае же с фидуциарным правоотношением прослеживается иная закономерность: удовлетворение интереса лица, реализующего интерес носителя, не является встречным в том смысле, что изначально обусловлено удовлетворением интереса его обладателя.

То есть интерес носителя приобретает не только самостоятельное значение для обеих (множества) сторон, но и определяет приоритет интереса правообладателя перед интересом лица, его реализующего.

Наличие столь явного отличительного признака позволяет сделать вывод о различных составляющих интереса на основе различия их особенностей в рассматриваемых обязательствах, а также утверждать о конститутивности интереса в фидуциарных отношениях как неотъемлемого признака, определяющего не выбор, а именно его обязательное и единственное основание, и, таким образом, их лично-доверительный характер и видовую принадлежность.

Но возможно ли в данной ситуации говорить об интересе как о составляющей правовой цели, *causa*? Цель — это желаемый определенный правовой результат конкретных действий, предпринимаемых для его достижения. Интерес же представляется в ином свете — это одновременно и предпосылка возникновения действий, и побудительный мотив для их осуществления, и неправовой результат в виде удовлетворения потребности.

Если интерес реализуется через выбор конкретного лица на основе доверия к нему по какому-либо основанию, то в основе возникновения и действия обязательства лежит не просто выбор, а выбор, основанный на определении индивидуальных, персональных критериев, в т. ч. доверии. Следовательно, любой фидуциарный договор является разновидностью личного договора.

Представляется, что постоянство интереса на любой стадии обязательства, как в возникновении, так и в действии, изменении и прекращении этих прав и обязанностей продиктовано постоянством волевой мотивации их необходимости для каждого участника в каждом конкретном случае. И, следовательно, интерес как побудитель воли и составляющая волеизъявления составляет структуру правоотношения на всех его стадиях.

Таким образом, можно предположить, что наличие у лица интереса [8, с. 4, 6] в специальном выборе контрагента является сущностным признаком личного обязательства, в т. ч. возмездного оказания услуг.

Вместе с тем любое правоотношение не может существовать без субъектов, наличие которых является его непременной составляющей¹³.

Проблемным является вопрос о последствиях утраты доверия к стороне обязательства. Возможна ли замена стороны, либо — в договорах с конкретизантом — замена конкретизанта, если это удовлетворит интересам контрагента? При этом очевидно, что максима *pacata sunt servanda*¹⁴ является незыблемой.

Представляется важным определить, будет ли рассматриваться замена конкретизанта как основание наступления каких-либо правовых последствий для сторон обязательства, и каких именно. Отсут-

¹² Садовая И.Г. Принцип свободы гражданско-правового договора и его ограничения // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otlichitelnyh-osobennostyah-preimuschestvennyh-prav.pdf> (дата обращения: 07.03.2023 г.).

¹³ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. М.: Изд-во ЛГУ, 1949. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959.

¹⁴ Договоры должны соблюдаться (лат.).

ствии таковых нивелирует и юридическую значимость замены.

Нет сомнений, что, когда возникновение и существование обязательства основано на основании специального выбора, а личность субъекта имеет основополагающее значение в конкретных гражданских правоотношениях, — представляется, на первый взгляд, что такая замена априори выглядит юридически значимой в связи с исчезновением выбора субъекта, а также в связи с ограничением (нарушением) прав лица, его избравшего.

Однако существенными ли будут эти аргументы в той ситуации, когда лицо, которое непосредственно произвело этот выбор и согласовало его при заключении обязательства, утратило основание такого выбора ввиду утраты доверия к конкретизанту? То есть если воля, интерес, волеизъявление и цель лица, служившие основанием возникновения и существования этого обязательства, утрачены, то вполне вероятным представляется продолжение действия обязательства посредством согласования замены конкретизанта, или прекращение обязательства.

При этом продолжение действия обязательства сущностно возможно, поскольку не затрагивает стабильность существования его сторон и классическую структуру, но только при наличии следующих условий:

- 1) возможность замены конкретизанта предусмотрена договором;
- 2) достигнуто соглашение сторон о замене;
- 3) достигнуто соглашение сторон о требованиях к субъекту замены, или определено, что ранее избранные требования к выбору исполнителя при заключении договора применяются ко всем случаям замены;
- 4) достигнуто соглашение сторон о конкретном заменяющем конкретизанте.

Но при этом приведенное последствие в виде замены конкретизанта может приобрести практические очертания в случае, если в законе или договоре предусмотрено, что:

1. утрата доверия к конкретизанту не является утратой доверия к стороне обязательства;
2. утрата доверия к конкретизанту является основанием для его замены;
3. замена конкретизанта не может быть произведена без обоюдного согласия сторон;
4. правовым последствием недостижения согласия сторон в рассматриваемом случае, утрата заказчиком доверия к конкретизанту является основанием для прекращения договора, посредством определенного способа и/или посредством одностороннего отказа;
5. необоснованный и немотивированный отказ стороны исполнителя от замены утратившего доверие конкретизанта является нарушением договора и является основанием для привлечения к определенной имущественной ответственности.

Кроме того, данным условиям должна предшествовать следующая совокупность оговоренных условий общего характера:

- а) о способе его исполнения персонифицированным субъектом-конкретизантом;
- б) о требованиях, которым должен удовлетворять конкретизант либо конкретное указанное лицо, сопровождаемое его идентификацией посредством идентификаторов личности.

Представляется, что только включение в обязательство совокупности указанных условий порождает трансформацию исполнения обязательства — допустимость исполнения иным конкретизантом.

Данный вывод подтверждает сделанный ранее: «В настоящее время легальная позиция, предусматривающая общее правило об обязанности исполнителя оказать услуги лично, применяется в отношении любого субъекта гражданского права, обладающего правосубъектностью, и являющегося стороной исследуемого обязательства, а значит, исключает дифференциацию стороны-исполнителя и иного субъекта исполнения в зависимости от его роли в исполнении в рамках одного обязательства, и, соответственно, не предлагает регулирование дифференцированных правовых последствий и распределение ответственности в данных случаях» [9].

Что касается прекращения договора при аналогичных обстоятельствах, то позиция автора по этим вопросам была изложена в исследовании [10].

Таким образом, применительно к проведенному исследованию может быть сформулировано общее правило: обязанность стороны-исполнителя по замене конкретизанта в договоре с конкретизацией исполнителя по основанию утраты к нему доверия заказчиком юридически невозможна, если иное не предусмотрено законом или договором.

Указанный вывод позволяет ответить на вопрос предпринятого исследования, а именно: воля и волеизъявление заказчика, который при возникновении обязательства произвел выбор конкретного исполнителя и конкретизанта, в том числе на основании индивидуального личного основания, не становится юридически значимым обстоятельством в части возникновения основания для замены конкретизанта вследствие дефекта фидуциарности, если иное не установлено законом или договором.

Представляется возможным сформулировать и альтернативный подход к рассматриваемой проблематике, то есть к ситуациям, когда договор оказания услуг содержит указание на конкретизанта, то есть непосредственного исполнителя. В качестве примера приведем ситуацию, когда клиент заключает договор об оказании юридических услуг с юридической фирмой-услугодателем и настаивает, что его дела в суде будет вести только юрист Н. Далее возникает дефект фидуциарности — юрист Н. увольняется либо отказывается идти в конкретный процесс, и

в интересах клиента выступает иной юрист — С., так как услугодатель — фирма, а не конкретный юрист.

Если фирма не согласовала изменение конкретизанта с услугополучателем, то нарушение договора налицо, но — повлечет ли такое нарушение ответственность фирмы, либо явится основанием расторжения договора по критерию существенности нарушения?

Думается, что фирма имеет возможность защиты своих интересов от упомянутых рисков, доказав, что замена конкретизанта не повлекла наступление у услугополучателя каких-либо негативных последствий, с учетом того, что конкретизант — не субъект договорного обязательства.

Таковыми доказательствами могут быть: утверждение о качестве работы замененного конкретизанта на уровне не ниже — а может, и выше — изначально обозначенного: так, юрист С. имеет, к примеру, ученую степень и более весомый опыт работы, нежели юрист Н.

В интересах услугодателя, безусловно, не просто указание конкретизанта в договоре, но и снабжение такого указания отсылками к личностным

характеристикам конкретизанта, что в случае потенциальной замены позволит более качественно построить защиту. Например, в договоре об оказании юридических услуг в качестве исполнителя назван не просто юрист Н., а — «младший юрист, имеющий диплом бакалавра с отличием, выданный вузом, входящим в первую десятку в определенном рейтинге — юрист Н.»

Проблематика, затронутая в настоящей статье, базируется на правовом явлении, не исследованном в современной доктрине: речь идет о так называемой расщепленной фидуциарности — именно это явление реализуется в указании конкретизанта.

Суть расщепленной фидуциарности состоит в том, что некие доверительные элементы, послужившие для услугополучателя основой выбора услугодателя, коррелируют и эмерджентируются вследствие заинтересованности в конкретизации исполнителя; при этом эмерджентность восприятия услугодателя и конкретизанта как взаимоусиление реализации каждого из факторов — проблема последующих исследований.

Литература

1. Вольвач Я.В. Правовые подходы к конструкции прекращения договора возмездного оказания услуг посредством его расторжения на основании замены конкретизированного исполнителя // Мониторинг правоприменения. 2023. № 1. С. 94—101.
2. Осокина Г.Л., Чурилов А.Ю. Некоторые особенности развития обязательственных правоотношений с участием третьих лиц // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-razvitiya-obyazatelstvennyh-pravootnosheniy-s-uchastiem-tretih-lits>
3. Вольвач Я.В. Правовые подходы к определению статуса третьего лица и правовым последствиям его участие в обязательстве по оказанию услуг // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского, 21.04.2022 г. / Под общ. ред. д.ю.н., профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н., доцента Н.М. Ладнушкиной. Саратов : Саратовский источник, 2022. 425 с. С. 183—187.
4. Вольвач Я.В. Правовые подходы к пониманию цели (causa) как существенного системообразующего признака, присущего категории услуг // Вестник арбитражной практики. 2021. № 4. С. 21—31.
5. Иванова Т.Н., Монченко О.В. Обеспечительная передача права собственности: сравнительно-правовое исследование // Право и экономика. 2018. № 8. С. 5—16.
6. Варламова А.Н. Принципы конкурентного права // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 14—17.
7. Верещагин А.Н. Свобода договора является основополагающей для либерального общества [Интервью с Р. Циммерманном] // Закон. 2019. № 8. С. 8—17.
8. Михайлова Е.В. Требования в защиту прав и законных интересов других лиц: современное прочтение // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 8. С. 3—7.
9. Вольвач Я.В. Правовые подходы к конструкции прекращения договора возмездного оказания услуг посредством его расторжения на основании замены конкретизированного исполнителя. В печати.
10. Вольвач Я.В. Особая категория договоров по оказанию услуг: «с конкретизацией исполнителя» // Мониторинг правоприменения. 2023. № 1. С. 94—101.

PROBLEMATICS OF REPLACING THE CONCRETISED PERFORMER DUE TO A FIDUCIARITY DEFECT IN THE SPECIAL CLASS OF PERSONAL CONTRACTS FOR PAID SERVICES: “PERFORMER SPECIFIED”

Ianuara Vol'vach¹⁵

Keywords: *fiduciary relationship, fiducia, fiduciary defect, personal nature of obligation, personal obligations, personal obligations to render services, personal performance of obligation, concretised performer, concretisant, split fiduciary, emergence of perception of service provider and concretisant.*

Abstract

Purpose of the work: studying questions related to attributes determining the legal nature of concretised performance and the performer's status in case of a contract for paid services where the direct performer is named, that is, concretised.

Methods of study: general and specific scientific methods of study, i. e. the comparative legal, system legal, and logical methods as well as the method of analysis and interpretation of legal regulations.

Study findings: the conclusion is made that the grounds for choosing the obligor for granting him/her legal value in a personal contract for paid services and, accordingly, the legal consequences in case of its termination must be included in the contract structure by law or agreement of the parties. Trust in the obligor can grant legal value to the choice made but doesn't make an obligation a fiduciary one on these grounds because this attribute is not integral to the structure of the obligation and doesn't change the legal goal (causa) of the obligation to render paid services due to the fact that the grounds of choice by itself cannot exhaustively cover all of its essential elements. Besides, it is proposed to consider the possibility of individual personal choice of the performer by the customer on certain grounds as a constitutive attribute of the personal obligation to render paid services.

Research novelty: proposing and justifying that the grounds for choosing the performer by the customer should be considered a constitutive attribute of the personal obligation to render paid services.

References

1. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k konstruksii prekrashcheniia dogovora vozmezdnoho okazaniia uslug posredstvom ego rastorzheniia na osnovanii zameny konkretizirovannogo ispolnitelia. Monitoring pravoprimereniia, 2023, No. 1, pp. 94–101.
2. Osokina G.L., Churilov A.Iu. Nekotorye osobennosti razvitiia obiazatel'stvennykh pravootnoshenii s uchastiem tret'ikh lits. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-razvitiya-obiazatelstvennykh-pravootnosheniy-s-uchastiem-tretih-lits>
3. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k opredeleniiu statusa tret'ego litsa i pravovym posledstviim ego uchastie v obiazatel'stve po okazaniiu uslug. Problemy realizatsii prav cheloveka i grazhdanina v usloviakh sovremennykh sotsial'nykh transformatsii : materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora F. M. Rudinskogo, 21.04.2022 g. Pod obshch. red. d.iu.n., professora D.A. Pashentseva, k.p.n., dotsenta N.M. Ladnushkinoi. Saratov : Saratovskii istochnik, 2022. 425 pp. Pp. 183–187.
4. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k ponimaniiu tseli (causa) kak sushchnostnogo sistemoobrazuiushchego priznaka, prisushchego kategorii uslug. Vestnik arbitrazhnoi praktiki, 2021, No. 4, pp. 21–31.
5. Ivanova T.N., Monchenko O.V. Obespechitel'naia peredacha prava sobstvennosti: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. Pravo i ekonomika, 2018, No. 8, pp. 5–16.
6. Varlamova A.N. Printsipy konkurentnogo prava. Konkurentnoe pravo, 2021, No. 4, pp. 14–17.
7. Vereshchagin A.N. Svoboda dogovora iavliaetsia osnovopolagaiushchei dlia liberal'nogo obshchestva [Interv'iu s R. Tsimmermannom]. Zakon, 2019, No. 8, pp. 8–17.
8. Mikhailova E.V. Trebovaniia v zashchitu prav i zakonnykh interesov drugikh lits: sovremennoe prochtenie. Arbitrazhnyi i grazhdanski protsess, 2022, No. 8, pp. 3–7.
9. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k konstruksii prekrashcheniia dogovora vozmezdnoho okazaniia uslug posredstvom ego rastorzheniia na osnovanii zameny konkretizirovannogo ispolnitelia. V pechati.
10. Vol'vach Ia.V. Osobaia kategoriia dogovorov po okazaniiu uslug: “c konkretizatsiei ispolnitelia”. Monitoring pravoprimereniia, 2023, No. 1, pp. 94–101.

¹⁵ Ianuara Vol'vach, Ph.D. (Law), Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of Moscow Humanitarian Economic University, Moscow, Russian Federation. E-mail: adv_71@mail.ru